

Изяслав Винтерман
ТОЧКА С БОЖЬЕЙ КОРОВКИ

Москва
«Русский Гулливер»
2014

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
В48

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

*Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров*

Винтерман, Изяслав

В48 Точка с божьей коровки. Стихотворения. — М. : Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2014. — 172 с.

Ненависть и боль оберегают любовь и радость, потому что они более хрупки и нуждаются в защите, в оболочке, в которую их и прячет, да и сам прячется автор. Стихи новой книги лирики поэта, живущего в Иерусалиме, дарят именно такое ощущение. Но тем, кто сможет проникнуть в их суть, выпадет счастливая возможность насладиться и сложностью, и притягательной игрой.

Редактор Елена Котлярская
Художник Сергей Байтельман

© И. Винтерман, 2014
© С. Байтельман, 2014
© Русский Гулливер, 2014
ISBN 978-5-91627-146-1 © Центр современной литературы, 2014

ТОЧКА С БОЖЬЕЙ КОРОВКИ

Пошли мне лимонных долек —
улыбок в коробке.
Я половинка, нолик,
точка с божьей коровки.

Пошли кожуру с мандарина,
обертки, а не конфеты.
Шпажку в глаз — подарила:
взгляд — «ну что вы как дети!»

Я ли, господи, кто я? —
улыбаюсь с коробки.
Гибнет время, как Троя,
в темноте маскировки.

Ажурное теченье темных вод,
чередование дерганий и пауз.
Так едет поезд наш или плывет? —
Он на мосту, мост над рекою — парус.

Ни яблочек на станции купить,
ни семечек в кулечке из газеты.
И реющая птица будто спит,
укачиваясь воздухом нагретым.

Но это только кажется, что взмах, —
отступит ширь; гнездо — подать рукою...
А если нет? А если это страх
растягивает небо над рекою?

По осколкам света взбираясь вверх.
По ветвистой лестнице — выше, выше.
Stand-up tragedy: хлопаем, руки вверх!
Можно чуть-чуть ниже! Так и запишем:

как стоял ты, поднятый в небеса
по тревоге, бледный худой подросток.
И светилось сердце, и жгла роса...
Так углем и сделали твой набросок.

Нитью капелек — этих ожогов след.
Даже черным по белому — всё туманно.
И блестят глаза, поглощая свет,
и всю ночь его засыпает манна.

Мы запишем: «Счастлив не будешь ты!
Но за выслугу, также и нашу милость —
и несчастным тоже!» Держи листы
в рваных строчках, сколько тебе не снилось.

Фото двух женщин и двух мужчин —
тени легли.

Что отделяет академию генштаба
от высшей худшколы.

Февраль кладут на стол весны.
Приходит детский врач.
Спасает. Нет его вины
в период неудач.

Кто только ни спасает нас
и держит на весу.
А кто забыл свой день и час,
не радуется весну.

Шагнули мы в чужой размер,
размяв не свой простор.
И нам отмерил землемер
окно, а цифры стер.

Лечит ветер.
В горле шумит прибой.
Морем лицо умой!
Если кратчайший путь по прямой —
нет между нами прямой.

Щиплет море,
искрится зеленый свет.
По проводам простор.
На перемотке бежит огонь — с вет-
ки на ветку с гор.

Белой дорожкой плит,
колонн, замшелых аркад.
Море кипит, палит
солнце. Рассыплется виноград.
Время — что конокрад.

Любя или ругаясь с родиной,
зря говоря:
«Высоко... ваш... выс-с-с-благородие,
всё зря, всё зря...»

А родина — в лице прохожего —
дерюга, стыд.
Смотри — в глазах создання божьего
душа блестит.

Но ни за что уже не умер бы,
ни за кого.
С рассвета наступают сумерки,
проходит год.

Вот только отступали белые,
бежали в тыл.
И облака, что груди спелые,
о, я б схватил.

И прятались в засаде красные —
мерз продотряд.
И мокрый шарф, и очи ясные
всё говорят.

ВАРИАЦИИ

*

Если жить бесконечно долго, ну очень долго —
доживешь и до Юрьева дня, и свободы воли,
голубого периода в сердце, желанной Ольги —
недоступной всё так же, хотя ни двора, ни школы.

Ветер с моря подует, меня поцелует пылко.
Бриз похож на мелодию, тело — на белый танец.
Можно просто лежать, кузнечиков слушать пилки.
Если жить бесконечно долго, то рай настанет.

**

Ветер дует, в моей голове опилки.
Золотая стружка солнца в холодном теле.
Можно просто лежать, поющие слушать жилки.
Бриз — мелодия, белый танец в постели.

Ветер кутает нас в облака из гусиной кожи.
Мы в ажурных объятиях дней навсегда живые.
На стеклянные ночи садятся во сне стрекозы.
В темных окнах — море и звезды сторожевые.

Зима. Пограничник съезжает с холма.
Он бел в маскхалате — прощай, хохлома.
Он чист, он чекист по отцу и отца
желанью бежать, точно зверь на ловца.

И холм не полог, и судьба не пряма.
Скользит пограничник, разведчик-чума.
Под ватником толстым, под теплым бельем —
подросток, берущий то спуск, то подъем.

Он попросту спит, он летит в тишине
и счастья куски собирает во сне —
счастливое море, безбрежный уют
и жизнь бесконечную — в пару минут.

Если в первой строфе ты без лифчика,
то в последней стреляет ружье,
объясняя прям в сердце счастливого,
что его, что твое, что мое.

Жарко в августе, даже на простыни
будто море приносит песок.
Золотое сечение осени
впереди или наискосок.

Время в темном неясном движении,
ноет в сердце живая вода.
Всё так четко и без искажения
и не будет таким никогда.

Счастье — легкими воздуха стрелами,
всё в томленьи, слоев толчея.
И волнуется жизнь между стенами —
где моя, не моя и ничья.

Доплывем до Тигра и Евфрата —
будет всё тигрово и евфрато.
Выйдет не Аврора, а Эрато,
обнимая крыльями, как брата.

У меня сестра, а брата нету.
Я давно не улыбался небу.
Пусть уже наступит время это.
Жаль, что солнце прячется, как эхо.

Пять углов в моей бушуют цифре.
Я сойду за собственного брата.
Волны разбегаются на Кипре,
а потом ползком быстрее обратно.

Таёт радость в сомкнутых объятьях.
Время точно пряди в беспорядке.
И одна сестра в тоске о братьях —
их макушки как цветы на грядке.

Выживет один, став Носферату.
А по остальным проедет трактор.
Доплывем до Тигра по Евфрату,
выполнив условия контракта.

Больно знать, что остается мало,
что желанье бледно, а не ало,
светит безобидно, но не греет,
и Евфрат безудержно тигреет.

YELLOW SUBMARINE

Сидит в организме простуда
и дергает ниточки слез.
И сам я совсем не отсюда,
наверно, с собою привез.

И пью, как верблюд очумелый,
под тонною теплых рогож.
Я тоже пушистый и белый,
совсем на себя не похож.

Ныряю в большие глубины —
пустынно до самого дна.
Но жизни моей половины
соленая склеит вода.

И треск старой песни из глотки
послышится свистом в груди:
«Я кит, я макет желтой лодки,
хлебнувший холодной воды».

ЗИМА. ДВОЙНОЕ СТЕКЛО

Развалы здания в снегу,
мир до и после разрушенья.
Как вспышки памяти в мозгу,
разряды прошлого решенья

заставят встать и наконец
ответить в трубку с перерывом:
затяжка, выдох в пять колец,
летающих девственно красиво.

Смотреть на стройку за окном,
накрытый простынею кратер.
Где пиро-техник — два в одном —
спасает водкой *альма-матер*.

Он лает в трубку, как зима.
Молчит, но требует ответа.
И я запомню: снег, дома,
колечки на одной из веток.

Я псих, но спящий. Не буди меня
бессонницей своей или простудой.
Душа волшебна в пять утра, смешна,
не помнит залпа тысячи орудий.
И встанет на дыбы во мне земля,
гремя костями, глиняной посудой.
Я б в это время всех прикончил для
спокойствия (а счастья и не будет),
и даже тех, с кем праздники встречал,
за образом ходил через туманы —
его там нет. И грош цена речам.
И нет нигде. Не надо новых данных.
Разворошу притухшую звезду
и пепел ночи вытряхну. Затеплю
сто сигаретных звездочек... Я жду
второго погружения под землю,
где будет тихо. Тени друг за дружкой,
кидают в кружку мелочь на еду.
Я псих настолько, что давно в аду.
Ты ночью задуши меня подушкой.

КОМАНДИР КРОВИ

1.

Кровь, не шуми, не приливай к лицу.
Твой зов услышан, мелкой дрожью встречен.
Не подводи, блуждая по кольцу,
я слишком хрупок и недолговечен.

И я всегда не там, где стоит быть.
Люблю не тех и никогда — взаимно.
Сужает время взгляд. В глазах рябит.
Везде темно искусственно и зимне.

Восход всплывает краскою глубин —
взрывоопасной смесью в небе пьяном.
Кровь заливает, врет, что я любим,
и дарит свет вторым, небесным планом.

2.

Надо быть бодрым! А если сонным — хотя бы пьяным!
Самым быстрым ковбоем Востока — но вот, непруха.
Показывают, как наказывают. Переменным и постоянным
током и прочим потаканием телу в присутствии духа.
То взрыв небесный, то подземный. Пыхтит командир рядом:
«Ложись, вставай, беги, проси у господи помощь...»
Я команду только собою, не всем отрядом.
Позади меня прах и пепел, товарищ — ни фрукт ни овощ.
Только дождь позади меня — груды гудящих капель,
тысячи одноклеточных образцов долгополых шинелей.
Я тяну свое тело по грязи плюс телефонный кабель.
Свет и связь прерываются, господи. «Schnelle, schnelle...»

Слышу, как взрываются бомбы в его голове,
как по трубочке время пенится, точно сола.
Тошнокола со дна стакана, пей даже две —
я не пью, в глазах твоих блеск блуждающего осколка.

Свет дыханием сырости зачат в смертельные дни.
Жизнь короткой и славной будет (эй, хватит булькать) —
как узнать бы точнее по солнцу, по ветру и
по луне на струнах моста в колыбельной люльке,

что еще приготовит время. Зимы пирог?
Взбитый снег на сухом корже, снеговик с лопатой!
Я хочу ощутить сквозь кожу, как ты продрог,
и дрожать до конца с тобой под стеклянной ватой.

А потом теплом защекочет небо, зашевелит.
Разморозятся облака, поплывет картина.
Я хочу ощутить сквозь кожу, как жизнь болит.
И тепло на лице, будто солнечная урина.

Снаружи идет война, я, конечно, годен.
Здесь мои стол, кровать, в кровати жена.
Значит, этот с ней рядом — я, а не меч господень.
Снится покой. Внутри тишина.
И берегу себя, но когда воюю,
впадая в чужие «я», я — агент двойной,
вспоминаю немецкую сторожевую,
дворового дебила, гонявшегося за мной,
полеты в космос, балеты, фронты, атаки,
потоки страха, потом въевшуюся боль,
хитрована с женой и сыном, бесстрашных даки,
до победы бьющуюся голь.
Потом всем достанется на орехи,
на мыло, на водку от победителей войн.
Снаружи идет война. Саперы, морпехи,
крысы штабные, вести с передовой.

Человек лежит, читает, никому не мешает.
Другой приходит: «Помоги снять сапоги, дорогая!
Умаялся!» А потом языком смешает
водку с хлебом, боль с кипятком для чая.

Человек смеется — аж слезы брызжут, —
до надрыва смеется, усталость ему неизвестна.
А другой в сомненье — не заработала б грыжу:
«Лежи, дорогая, читай со смешного места».

В голове больше нет ни слов, ни нот.
Чистое небо. Не отследишь полет.
Нет остановок в небе на сон и суд.
Слова только сделают хуже, когда придут.

Без них было проще смотреть на летящий прах,
на снег, расплывающийся в лучах;
знать, что захочешь вернуться, а не к чему.
И за полетом следишь по себе самому...

EXEGI MONUMENTUM (I)

Я возвращаюсь к пра... Потомок мой,
внучатый мой какой-нибудь племянник
(совсем другой язык ему родной),
но пленник духа и его посланник
к корням вернуться, стадию корней
минуя и условной пуповины,
почувствует меня (стихи, верней)
и отзовется хоть на половину,
на четверть боли (не ушла пока),
восьмую счастья (боль не доконала).
Века прошли в пустыне и века —
среди полей, лесов, водоканалов.
И колесо судьбы (моей судьбы),
проехавшись по всем, завязнет в прахе.
...Я возвращаюсь в рай. Грехи, мольбы —
лишь напрокат одолженные страхи.

EXEGI MONUMENTUM (II)

И сто процентов — буду я кому-нибудь любезен
за то, что с гор, лесов, полей, морей и бездн
я к жалости и милости взывал.

Срывался на слова, но продолжал быть эхом —
по молочаю, по дорожкам, где лишь пехом
и молча. Стоп, привал.

Сползая тенью, тьмой цепляясь за кустарник,
к забытым навсегда я поднесу фонарик:
всех узнаю я здесь —
и я один из них, кто эхом или тенью,
и словом, и строкой, и всем стихотвореньем
жив и не умер весь.

Вода течет, набирая мужскую силу,
по глиняным трубам, по насыпным валам.
Входишь в бассейн харибду любить и сциллу —
голые их тела плывут по волнам.

Можно любить, желаний своих не пряча,
грудь полновесную, полный тепла живот.
Каждое утро жизнь начиналась с плача
и заплеталась струями слов и вод

по мрамору пола и чистому небу лепному,
где солнечный ветер метет лепестки.
Душа погружается полностью, по-любому,
в желание страсти на глубину тоски.

Мне нравятся разгон и замедление строк,
нехватка звука, провал в глубину.
Жужжал кукурузник, летел на войну
с друзьями, с точкой росы — прыг-скок
по воздушным ямкам. По ямочкам твоих щек —
скачет взгляд мой. Истончается голосок —
спеть ему хочется, как без сожаленья с тобой порвать.
Несильный удар, нисходящий шок.
Бледный кто-то присел на мою кровать,

разрушил ясность последних минут,
на которые я рассчитывал, как на целую жизнь.
Мир летит в те края, где меня не ждут..
Я ни пасть, ни взлететь не могу — хоть вставай-ложись!
Луна расплывчата — глаз-хризолит.
Луч полоснет по сердцу. Торможение и разгон? —
Ку-ку! Кукурузник летит, росой по самое горло залит.
Нитью стальной разрезает его горизонт.

ГЛУБОКИЙ ЖЕЛТЫЙ
(цикл)

1.

Осень — плацкарта в небесную глушь.
Едешь, шумишь по заоблачной пыли
между холмами и окнами луж,
вздутой листвы на невысохшем иле.

Вверх устремляется рой мотыльков.
Осень потерями или дарами
нас погребает на сотню веков,
желтую глиной сползая на мрамор.

Дважды обжегся сегодня с утра:
тем, что пришел, и горящей тобою.
Бледным на вид угольком из костра,
вложенным в холм, наметенный листвою.

2.

Это запись на ливне, на струях,
на колесах, застрявших в грязи,
о гремящих веках и кастрюлях,
пользе дела и страхе грозы.

Это черный оркестр и лиловый
всем играет, что поздно искать
свой оттаявший смысл и ледовый.
И пора бы давно перестать.

Продолжения нет у историй.
Вбито дерево жизни в меня.
Дождь идет, как проносится скорый,
что хотел проскочить дотемна.

Ждешь что дальше, ласкаешь словечки,
прячешь мятной слюной под язык...
Это запись на холоде речки,
водке, ласточках с желтой Янцзы.

3.

Осень — глубокий желтый.
С подступающим холодом,
небом расколотым,
с пустотой, крадущейся тихо,
даже не различишь шаги —
чьи...
Красный крестик на всех наехал
скрипом снега или фольги.

4.

Европа погрязла в дождях и вещах,
во тьме заходящего лета.
И вниз головой облака натошак
сползаются с вяленых веток
на сырость и серость от мрачных морей
и скверного менталитета,
от сдувшихся утром ночных фонарей
на млечную видимость света.

Не то чтобы здесь, где рисунком оград
перебраны тени, как струны,
я солнцем не сыт, с ходу ливню не рад,
страдаю затмением лунным.
Но свет проникает в такие углы
и так согревает открыто,
что ярче еще и не видывал мглы
и желтого вспышек до крика.

5.

Баскетбольно оранжевый прыгает мяч.
Скачет, скачет всё тише и ниже.
Дальше катится — лужи, поля, стройки дач...
Пропадает, не вижу.

Звезды встанут на место, и — мяч тут как тут,
то на Белку похож, то на Стрелку.
А закроешь глаза и представишь, как ждут
космонавтиков, пьяненьких в стельку.

Вот летят они, тут им встречается мяч
ниоткуда, чужак без орбиты...
И сигнал принимают, как вызов на матч.
Будут, будут разбиты...

...И представишь: как страшно, насколько ничей,
как недолго бы выдержал муки,
дрожь холодную каждой из долгих ночей...
Скачут вспышки в сожженные руки.

6.

Жена шумит, как холодильник,
в шестом часу утра.
Как в холодильнике будильник,
звенит в мозгу — пора!
Вставать пора, пора ложиться,
осенняя пора!
Никак не выдержать, не сжиться
с покоем до утра.
Какая школа и работа?
Какая жизнь прошла.
Лишь желтой осени зевота
воронкой вобрала.

7.

И осень начинается, когда
уже дохнули облачно сюда
ожившие Лернейские болота;
когда связались время и вода,
сухие звуки спелого плода
и треснувшего солнца позолота.

И осень продолжается, пока
не оценили ветер облака,
не растрясли свой рыбий жир над нами.
И если б не закрытые глаза,
чтобы себя не видеть, спать нельзя,
но делать вид, что спишь ночами, днями.

8.

Какое-то время я посвятил
наступлению сентября:
подметал дорожку, вдыхая пыль,
выбрасывал лишние вещи.

СТИХИ О ЛЮБВИ
(семейный альбом)

1.

Ты думаешь, так занимают меня
твоя толщина и твоя худоба,
морщины, «гусиные лапки»?
А если не время волнует меня
абсурдную формой увядшей тебя,
а только любовь без оглядки?..

Высокая облачность — плач на луну.
Я просто шучу на неостром краю,
стараясь повесить наш градус.
И в наших объятиях — время в плену.
И шутки мои вызывают твою
неправдоподобную радость.

2.

Главный герой надоест быстрее.
Второстепенный — как без лица.
А героиня, уже старея,
не различает их до конца.

Будто они то в тени, то сзади.
А перед нею обрывный край —
ужас на выбор. Чего же ради
ей притворяться, поди сыграй!

То есть дурачь, не люби так сильно.
То есть люби, но дурачь сильнее...
И передай наш ответ с посылным:
«С нами не будет, что стало с ней!»

3.

Пока зима,
пока зима лежит, касаясь снегом губ.
И я совсем не тот, кто вдаль любим и вглубь.
И ты совсем не та, кто был любим и любит без ума.

Музу мою не зовут никак.
Она напускает в слова туман.
Хотелось бы, чтоб подавала знак,
а не сушила в глазах тимьян.
То вырвет день из ночных болот,
то выколет глаз и распорет шов
от желтой косицы луны до слов,
включенных на автопилот.

Кто дальше будет хранить мой сон,
глушить в сознание чужой напев?
Я поднимался за ним на склон,
подслушивал девять дев.
Доставь им радость понять, кто ты,
и уничтожить всё просто так.
Хотелось бы, чтоб подавали знак,
жгли шины или мосты.

«Таков я буду через двести грамм...»
Г. К.

Каким я буду через двести грамм?
Я буду синей лампой для соседа!
Служить необъявившимся мирам
источником невидимого света.

Потом поблекну, просто отключусь,
исчезну за ненужностью обоим
всё путающих слов, и чувств,
и болью заливаемых пробоин.

Я буду как прозрачное стекло!
И потеряю голову последним,
пока темно, и сумрачно светло,
и всаднику не хочется быть медным.

*«Снега плавают иголки
в теплоте холодных рук...»*

Боль распалась на осколки.
И как будто не болит.
Может, спрятала иголки,
изменила внешний вид.

День растянут, но не страшен,
ночь не так черна внутри.
Боль ушла вперед на сажень,
отодвинулась на крик.

Жизнь распалась на протоны,
на всю жизнь и каждый год.
Снег не плавает, не тонет,
тонкий слушается лед.

Только вихрями осколки
и стеклянных яблок свет.
Только плавают иголки,
оставляя мокрый след.

Вся на дорогих понтах,
каблуках — куда уж выше.
«Всё прекрасно!» — но не так,
чтобы я отстал и вышел,

и не слушала б стихи
птички божьей, парной твари,
и дождя последний хит
про сентябрьские товары:

«Кто подарит мне листки
и набор прозрачных ручек.
И цветные лет куски,
и осколки слов до кучи.

Жар опустит до нуля,
лед рассыпав из ведерка...»
И покатится земля
за ворота, на задворки.

И если б не замолк, то запил.
И лучше, если так бы спасся.
Народ запомнит, что не зря был
достойный офицер запаса.

И я не то что здоров, но весел.
И сел как бы на скорый поезд,
который всех в дороге взвесил,
а я еще пятно слепое.

Но ради смысла (смыслов много)
мчит нарочный, как птица-тройка,
ночной стрелою в Мать-за-Ногу.
Сухим пайком — покой и койка.

Я боюсь: он напишет, что я бы хотел написать,
и закроет мне горизонт,
отберет дыханье мое: *раз-два-три* и *четыре-пять*...
Мне бы гелия, мне ни к чему озон...

Озорная дыра в небе, и вставляют в нее трубу,
и труба растет,
возбуждая зренье. Дыхание, что в зобу,
распрямляется до высот.

И нелепы мои опасения, я видал в гробу
трех таких, как я.
А таких, как он, не видал еще — крутану трубу,
в ледяные взгляну края.

Руки, ноги — не крылья, кого хочу обмануть,
кого обманул почти.
Отбирают дыхание: *раз-два-три*, не вдохнуть
и не выдохнуть — так лети!

Так катись к самой точке, где оспины глаз черны.
Четыре-пять — будь таков!
Оставляя на память лишь розу ветров страны —
без лепестков.

Жизнь идет, как пушистый снег.
Зарываюсь лицом в подушку
от нее, от тебя, от всех.
Перья — вверх, хлопья — на макушку.

Продолжается сон во сне.
Белой мякотью, льда крошкой —
в небе мелкий зажжется снег
новогоднею неотложкой.

И лицом ощутишь во тьме
холод и теплоту ладоней,
снег, летящий в глаза зиме,
на колени и грудь мадонне,

ледяного разрыв окна
и промерзшую душу доньев.
И зима — или кто она —
сдавливает сердце в огне ладоней.

Доставай уже свою тетрадь,
начинай читать — хоть с эпилога —
перечень событий и утрат
на любую букву каталога.

Отвечал тот год за урожай,
а теперь за мир в умах и войны.
Видит бог, что вот уж месяц май,
а весной все так же недовольны.

Сделай зиму, просят, брось нам снег
и дождем промой глаза и стекла..
Горлом кровь, а после — чистый смех.
Вот любовь-морковь, вот верность-свекла.

Ненавистью чистою пиши,
доставай свою тетрадь не плача.
Там, в начале, все мы хороши
и у всех нетрудная задача.

НЕЗНАЙКА

(стихи из подушки)

«Я просто Незнайка с ADHD».

Вокруг меня лишь Знайки и Ромашки,
наивные, незлые Винни-Пухи —
Oops! — это не отсюда, вот промашки —
ADHD и прочие прорухи
(Oops! — это из другой, пардон, бумажки:
деменция, ADHD и мухи) —
сознания. Перед глазами пятна,
чаинки, в черных точках вспышки света.
Едва придя, уже хочу обратно,
откуда б ни пришел, и верю в это.

Поскольку до Луны не хватит денег,
есть на земле лунатые подружки.
А я лентяй свободного паденья —
Oops! — это из другой, пардон, подушки.

Так я о чем? Что свет сошелся клином,
и больно жить, и злые Винни-Пухи
(тьфу на меня), простился списком длинным
забытого от радости и скуки.
Забытого! А до Луны то близко,
то далеко, и множество затмений.
Я долечу и вычеркну из списка
хотя б одно — Oops! — два, но без сомнений.

(Хотя б одно лишь это без сомнений.)

На улице порывы ветра,
ты постирала паруса?
В окно стучатся километры
разгона степи на леса.

У нас немерено простора
и ветра, будто невесом,
солей и травяного сбора
для сожалений обо всем.

А за окном зима и осень,
весна и лето в чехарде.
Черед забыт, он был несносен,
поломан график: что и где.

Нас не спросили — будем рядом.
Мы здесь давно и ни при чем.
Голодный ветер — продотрядом —
дверь выбьет кожаным плечом.

ПОЭТ-ШПИОН
(«ЯЗЫК» ЯЗЫКА)

1.

«О, а у вас отличный русский,
не ограниченный словами...»
Она поправит юбку, блузку
и вальсом, но уже не с вами,
кружит, аж музыки не слышно.
Внутри — беззвучно.
«Ваш стиль воздушный, ненаучный
вам дал Всевышний?»
Мы здесь танцуем караоке,
всё иностранцы.
Подмигивая ненароком
в поющем танце...
Вихляя мыслями и задом,
паяя взглядом,
горшком усталых традесканций
сигналя «Градам».

2.

Мы поймали «языка»,
завели его в квартиру
(в прошлом явку ВЧК),
тчк, темно и сыро.

Он молчит, мы говорим.
Проглотил язык бедняга
(был ты в Осоавиахим,
в передовиках Севлага).

Пыль осадком темных дел,
миру — мир, войне — покрышка.
Он со дна в глаза глядел.
Но тонка кишка, мальчишка!

Облака на автопилоте —
и у бога неприятности по работе.
Он-то знает, кто за него, кто предатель.
Черной тучей в тысячу капель,
готовых сорваться, нервы ни к черту,
он приписан к закрытому аэропорту,
где все — диспетчеры, а не люди,
в столовой ни Зиночки и ни Люды,
безумные роботы, андрогини в отставке,
по велению души и метеосправки.
Облака всё порывистей на автопилоте.
Точки-тире дождя полиглота.
Проникнется чувством, к словам пристрастится
и — разобьется, когда приземлится.

Мне б затеряться в среднем классе,
где, что воистину тревожит,
передо мной уже на кассе,
на высоте прекрасных ножек.

И никаких стихов не надо,
а может, ничего не надо.
Кружочком светится помада,
зовет Паллада.

Подальше отбежать от края,
смотреть, как высыхает краска,
а синеглазка-златовласка
манит, карая.

Облакам в области сердца тесно.
Сквозит тоска мировая. Они приплыли
за мной, похожим рисунком текста —
в том же духе и в том же стиле.
Душа рассекает невидимые волны,
в рассветной мгле под водою водит
свои хороводы по внутренней Волге,
оставляя на сердце розовые разводы.

Только неба рваный тюль
марлевой повязкой.
Только рой счастливых пуль
над тряпичной каской.

Снега ветренная пыль
непрозрачной тканью.
Только свет на тыщу миль
поперек названью.

Не убитый, не живой,
дышащий неровно
тает мерзлую водой,
засыхает кровью.

Скрытый господом в снегу,
шепчет, связь теряя:
«Я запомню, что смогу
помнить, повторяя».

Идет она: распущенные волосы.
Он тянется за волосами —
словами.

Не волосы, а золотые струны —
горят и режут.
Капли слов на меди.

Всё стало медленным и медным.
В тяжелый узел
заплекла.

СОЛНЦЕ НАД ТОПОЛЯМИ

Между вечных огней, хорошо если двух,
я и сам одинокое пламя.
Кто захочет разжечь, кто захочет задуть,
затоптать тополями.

Сколько страсти во мне — на невидимый путь
и на этот, в просвете.
Даже если готов хоть сейчас, прямо тут —
в пух и прах и на ветер.

Кто это? —

Какая разница, кто это! —

Это тот, кто хочет зайти к тебе, не желая себя назвать.

Бабочка крылышками...
Час назад
ты без меня умирала в постели.
Но мы еще живы.
Взмах не стер нас.
Мы еще в этом пространстве,
между Москвой и Берлином,
между коричневой глиной
и желтым песком,
между белым и красным.
Белое платье на голом теле
прозрачно —
я всю тебя вижу насквозь.
Прозрачно.
Я вижу насквозь.

Графиня не дала, и граф не в духе.
Утешься нынче воздухом, Евгений.
Потом сквозь сердце, как сквозь дырку в дубе,
в расселине увидишь мир весенний.

Отступит солнце, ветер выжмет граппу.
И где-то в облаках засядет лучник.
Графиня не дала тебе и графу.
Любовь — удел поэтов, и не лучших.

Допустим, граф, что вышел на прогулку
с женой карикатурной и собачкой.
Он бы хотел служить, да хоть бы Ктулху,
за хлеб любви, но вот, доволен жвачкой.

А ты, Евгений, можешь всё да с блеском
в любом углу вселенной, что не в духе,
словами о земном и о небесном
разжечь и охладить огонь в старухе.

Между ног у нее красиво —
вид вечернего Тель-Авива,
потому что прибой, прибой.
Нет на набережной прохожих,
море в судорогах, похожих
на твои и мои с тобой.

А потом из Москвы угрюмой
сквозь поющие воды с рюмкой
я смотрю на совсем других.
Города, что не видя вижу,
и людей, что не глядя вижу, —
ненавижу, люблю других.

В прядках море, каштаны в прядках.
Чувства в истинном беспорядке.
Не испорченный словом вид.
Эту песенку слышал прежде,
но не понял, звучит всё реже,
узнаваемо так трезвит:

«В каплях жизни земля и небо,
столько страсти, живущей немо, —
на бушующий океан».
Уплываю в дырявой лодке,
на лицо натянув колготки.
Между ног, между слов — обман.

Ловили свет, ловили сон,
меня ловила ты,
вибрировал твой «Эриксон»
с небесной высоты.

Идет ли время без тебя
с тобою наравне?
Обняв воздушную тебя,
не давшуюся мне...

Ты здесь, но нет тебя нигде,
а я везде — нигде!
И некого любить, и не-
зачем, и не...

Вода разбавит свет луны,
мазнет по небесам.
Не помнящий твоей любви,
не помнящий, кто сам,
слежу, как будто я с тобой,
куда ты без меня?
Во тьме, за лунною скобой,
плохие времена.

Ногами машешь, так летишь? —
О, есть на что смотреть.
Мотор луны позолотишь,
безудержная Грет-
хен, прелесть! Это план —
лететь за облака?
Где ты без моего тепла
сильней меня пока.

Как сверкают крылья на закате,
как стрекочут ноги у сверчка...
Здесь мы были, а вот здесь — по карте —
сбили новичка.

Свериться бы с кем, но это вряд ли.
Море каменеет, ветер спит.
Облака летят на те же грабли —
самолетик сбит.

Шумным вздохом доносилось море,
двигаясь на север и на юг.
Он зашел на умершем моторе
на прощальный круг...

Подозвали быстро к телефону,
мерзлой ерунды плеснув в ответ:
«Передайте “да!” *левиафону* —
на тот свет...»

Вот и время вернулось Ду Фу и Ли Бо.
И друзьями проходят недели.
Тенью небо легло, головою легло.
Дождь коснулся ветвей, как свирели.

Вот Ду Фу, что собрался куда-то в поход,
на прогулку за светом сквозь тучи.
Белый в небе мигает, и желтый вот-вот
всё отменит, чему это учит?

А Ли Бо — мастер тихо стоять в стороне,
взглядом мерить слова, как ступени.
Он коснулся дождя, и по звуку в струне
всколыхнулись противники тени.

А противники света пошли за струной,
а сторонники света подводят.
Но Ду Фу и Ли Бо только между собой
время тонкою кистью проводят.

Распускается утро.
Холодный чай.
Наступает пора
идуших встречать
убежавшие тени.

«На потемки с холодной водой...»

Как будто за окном сидит садовник,
ждет с вечера: распусятя от ветра,
и поливает, зачерпнув половник,
и взглядом опускает капли в метры.
Несет на завтрак булочки, и розы,
и дождиком плетенные корзины...
И слезы нарисованы, и слезы —
они мои, твои невыразимы.

Эти слезы нарисованы,
или они мои.

Месяц я бы провел на Капри
возле женщин, любящих море,
в дождь от него отрываются капли
и возвращаются, как после ссоры.

Горный хребет, что позвоночник
опустившей в пучину голову твари.
Пропустила третий звончок,
товарищей не послушалась старых.

Пришли облака оплакать сушу,
которую скрыла вода, и ветер
таскает мелодию: «На кого мою душу
ты оставил и не заметил...»

Жизнь закончится вот-вот.
Сколько там ее осталось:
на глоток небесных вод
и прозрачную усталость,
на спокойный океан
волн, исчерканных бореем,
снега талого стакан,
чтобы всё еще быстрее!

В МЕДЛЕННОМ-МЕДЛЕННОМ ИСПОЛНЕНИИ

Я бы погулял еще в пустыне,
я б еще нанежился сполна.
Здесь луна всегда на атропине,
а не узкоглазая луна.

Полным вдохом этот воздух вышит,
я бы наслаждался всем, что тут:
синевую моря, неба — выше,
чистотою выпавших минут.

А потом отправился стать кем-то,
пусть тогда затянется петля.
Приближаясь радостью момента,
свет небесный выпал на поля.

Пусть взиграет русская порода —
подготовься всё отдать легко
ни за что, за тайну перехода
в никуда, оно недалеко.

Сердце не откликается, я повторяюсь.
Пытаюсь события рифмовать.
Пытаюсь.

Дна не достигнув, не познав глубины,
как могу я судить
иных.

Они сами — летопись, флаг и древко,
история — непредсказуемая,
однодневка.

А я весел, как ветер в песне, на грани.
Внутри меня радость
ранит.

И, несмотря на дождь, в голове спокойно.
Улицы смотрят в стороны или вниз,
ветер, навоевавшись в последних войнах,
на колыбельных соснах во сне завис.
Вот он мотнется, плетью ошпарив окна,
и головой в ответ поведет сосна.
Дождь, несмотря на тех, кто стоит и мокнет.
Тьма, несмотря на свет моего окна.

Внутри меня хорошая погода,
вокруг дожди и молнии удар.
А вы, простите, вы какого года
и вам какой милее календарь?

У меня внутри всё пляжи да каштаны.
Мне рябина и морошка ни к чему.
Всё блондинки у меня, кафешантаны
и шатенки, точно яблоки в Крыму.

Скачут-пляшут девушки в бикини,
спрашивая: я грузин или бакинец, —
им не всё равно?
Это мне не всё равно, она какая,
после буду думать, кто такая, —
дурой ранен, пулей разрывной.

У меня внутри то мутно и туманно,
солнце светит фигой из кармана,
а луна под крышкою в тени,
облака кипят, звенит кастрюля...
То светло. От ветра — прыг со стула
занавеска, хвост трубой, лови, тяни.

Сгрузит ночь последние вагоны
и разбудит птичек в облаках.
Распоются мелкие заразы...
Дернутся вагоны новогодне.
Видишь, всё у нас прекрасно как,
видишь, всё прекрасней раз от разу.

ДИПТИХ

*

Свет желтый, лунный, иудейский.
Костюм, ну однозначно, белый.
Кровь смотрится звездой армейской,
дался им этот парабеллум.

Врозь парусиновые туфли,
носки не белые, но всё же.
И звезды все-таки потухли,
бегут мурашками по коже.

Глазами вниз, в сырую землю
втекаая змейкой ледяною.
Где Кремль, чтобы молиться Крёмлю?
Жаль, звезды не видать спиною.

Зеленой улицею парка,
тенистым коридором — нервный —
распустится во сне подарком
свет желтый двадцатидвухдневный.

Касаясь сердцем острых граней,
прозрачным сердце оказалось.
Я дал тебе всё, что не ранит,
и взял себе всё, что осталось.

И капли крови смотрят на меня...

**

И капли крови смотрят на меня —
им показалось, я сейчас отвечу:
соединю их в очертанья дня,
карандашом в блокнотике отмечу.
Он тут лежал, казалось — будто я.
На колесе день поднимался выше.
Еще бог не спускался, путая
колонку новостей. И кто их пишет?

Из носа кровь, как вязкая река.
Из берегов душа выходит, но в другие...
И боги плачут с нами все века,
им жалко всех — и все враги им.

То муза, как змея, куснет исподтишка,
то ночью свалится на голову седую.
Жить надо в темноте до третьего стишка
и дуть на плоть горячую — все дуют, —

она же горяча как никогда!
Вино и радость ей, печаль и водка.
И жалко всех, так им и надо, да...
Так и живем, а я хотел бы вот как...

Ты была маленькой полной шатенкой,
а стала высокой стройной блондинкой.
Раз ты теперь блондинка — давай глупи!
Води голубыми глазами, болтай со стенкой,
гони на меня высокие волны своей груди,
окутывай прелестями, волшебной дымкой.

Я тоже блондин, орел на процент от продажи.
Мой офис, моя компания, мой сегмент
рынка дарят возможность не думать даже
о том, кто есть кто, о белой и черной саже,
о соответствии, о кураже и раже,
о тех, кто сегодня люди из кинолент.

Сначала мне придумали тебя,
потом слегка друг к другу подогнали.
Пустили змейку — пусть ползет туда
на свист и твист, на шейк и хали-гали.

И песенку послали нам вослед,
и небо крошкой мраморной растерли.
И воздухом, разлитым в чистый свет,
глаза промыли, промочили горла.

Могу лишь верить, как нам хорошо,
как время беспощадно нас ласкает.
Сначала нас придумали, но что
мы с этим дальше сделали, не знает.

А волны бегут — их навстречу из мрака толкает гекзаметр.
Гекзаметру можно, и волны бегут пятистопной стопою.
Придумай другое: как ты опоздал, перед сивкой железною замер
и ловишь в цепочке окбн остров Крым —
кто-то должен остаться с тобою.

И вот ты сидишь и считаешь все долгие, все километры.
И вот ты оброс серебристой от слез и от слов бороною.
Киоск «Газ-Вода» у подножья торгует отныне совсем не водою.
Седой парикмахер купил его, смотрит на стрижку Ай-Петри.

ПО МОТИВАМ

Нам комментарий отзовется,
за SMS воздастся нам.
И нам прозрение дается,
как ненависть к любым словам.

И слово, что пришло в начале,
опережая свет и тьму,
уже поэты развенчали
и не сподобились ему.

Так умирай последним спамом,
чувств не скрывая, не тая.
Поэт лишь тот, кто был на самом
краю *бы-* и *небы-* тия.

Имею право быть колючим,
смотреть на всё, как сон дурной;
безумным — и на этой случай
с другими лучше, чем со мной.

Сгорают женщины от страсти? —
Нет, задыхаются в слезах.
Я заряжаюсь на контрасте,
взмываю ввысь на полюсах.

Я только чувствам и поверю.
За всех хочу их испытать.
Красиво пели под фанеру
и жили, чтоб не повторять.

ИЗ ЖУРНАЛА

Поэт свободный в логове актрисок
попался на глаза одной актриске...
У них любовь, у них огромный список
желаний, мы не все находим в списке.
Есть тайные под звездочкой и сноски.
Читаем: «Острова почти безлюдны,
сезон закрыт, там здорово чертовски,
но лучше в космос. Закажи нам судно!»

Артистке что? Играет лучше, хуже,
играет меньше или достоверней.
Она себя нашла в четвертом муже
и хочет быть собой и благоверной.
Готова хоть куда в любви и смерти...
— О, вычеркните, так хотел бы автор.
Да, слишком! Да, еще раз список сверьте.
Он завещал мне всё? Продолжим завтра.

НЁСТИХ

Ты не вышел из примерочной.
Где-то там в ней затерялся.
Как в четвертом измерении.
В нереальности другой.

А жена пришла с милицией.
А родители с вопросами.
Продавщица с извинением.
Остальные — поддержать.

В туфлях если — парусиновых.
В брюках если — нежно-бежевых.
И в жилетке обязательно.
Выйдешь — жалко, что не я.

Через свитер я чувствую холод —
притаилась зима за спиной.
Дует в щели, трубит: будет долог
этот новый поход за весной.

Этот поиск тепла до истоков,
проскользнувшего дымкой сквозь сон.
В сто хрусталиков дрёмное око
провожает курить на балкон.

А с балкона — вверх-вниз, а с балкона —
взгляд так короток, так невесом...
Небо давит меня непреклонно,
и земля поддает — здесь твой дом!

Съежилась вода и стала льдом.
И меня тот холод пробирает.
Каменный выстаивает дом,
но внутри как будто умирает.
Я дышу в промоину окна,
ясно небо вижу над собою.
Через толщу серого сукна
дождь звенит как заводной и с боем.
Господи, закончилась любовь,
что была вся в виде обещаний
медленно скользящих ледников
после убивающих прощаний.

Сердце гонит дождь и облака,
гонит тьму по ненадежным трубам.
Вот оно — не больше кулака,
разожми кулак, не будь же грубым.

И к тебе потянутся, смотри,
хлопья одинокие и струи.
И зима окажется внутри,
точно слово, сказанное всуе.

Красный день календаря не врет,
бьет, стучит, колотится, как будто
жить ему недолго, и умрет,
как неопыленная минута.

Мять память, как глину,
и долг, как песок.
Жгут огненных линий
тянуть на восток
сплошным эшелоном
из боли и чувств.
Железом каленым
я быть научусь.

Кровит еще память,
что не был любим.
Наматывай, мама,
на голову бинт
живому и труп,
тогда и сейчас.
Обиды так глупы
засевшие в нас.

Со всеми за всеми,
с собой за собой.
Взбрыкнет моя темень,
даст прошлое сбой.
Откроется память,
прольется огонь.
И жил я упрямо,
как будто с врагом.

Боль загнана в угол,
и пьет из горла,
и воет белугой
в четыре угла.
Я вижу ожоги,
но память длинна.
Кривые дороги
вбирает луна.

Ты превращаешься в снег и дождь, о которых писал.
В снег, который растаял, в дождь, что перестал...
(Сам себя не узнаешь за первые лет пятьдесят.
А за вторые — нового даже не хватит на школу или детсад.)

В снег, который не выпал, в дождь, о котором молил.
Ты много за это выпил и столько же отсмолил.
В снег, который приснился, в дождь, который не шел...
Ты превращаешься небом в белый и черный шелк.

И из нас вытапливают воду, остаются смех да ерунда.
И пятно расплывчатое йода на боку, ударили куда.
Пара слов о дождике и снеге, о себе самом, тебе самой.
Превращаясь в кошечку на сене, басмой красишь волосы зимой.
И ложатся *под* на *антипода*, темное на светлое — легко.
Хочешь, чтоб улучшилась погода или чтоб от сердца отлегло.
А зима усиливает холод, небу не хватает колеса.
И тогда приходит снег-психолог — и поет про горы и леса.
Тонко снег ложится, тихой сапой. Вытопив до смеха, что болит.
Как во сне тогда, глубококом самом, помню я, что радость победит.

Мне камни что-то говорят и ничего — деревья, птицы.
Здесь город. И от врат до врат так просто пасть и оступиться.
И чертыхнуться сотню раз (у слов здесь вырастают крылья),
вот дерево, ему я рад, в его ветвях — там кто-то скрылся
и думает: он соловей, но и на третий взгляд — он дятел!
Но если отойти левой, не видно кто, молчи, предатель,
строй из себя, летай, и пой, и подбери себе название.
Да, птичка кажется слепой и слепо верит в расстоянье.
Ну и живи, и бог с тобой. И дерево, как изваянье,
колонна. Полою трубой в свое уходит состоянье.
А небу в общем дела нет. Все эти шалости и муки
растут, летают — вот вам свет! Страдают, гибнут — так вам, суки!
Какая разница теперь, слова вокруг или предметы.
Слова без слов. А птица, зверь, а дерево, цветок, а эти,
ходящие на двух своих, по двое и поодиночке?
Здесь только камни (нет живых), как неотесанные точки.

Приходит ночь, разглаживая море.
Я знаю ночь, хотя и мне темно.
И каждая волна с другою в споре:
кто лучше и кому из них дано.

А утро под кровать бросает маску —
ну, здравствуй, ночь в обличии другом.
И черное вгоняет море в краску
зеленую и тонет утюгом.

А на волнах колышется наш ялик.
И раздраженье волн почти светло
(и на ветру они бы всех распяли,
и с неба сбросив битое стекло),

приходит ночь (читай об этом выше),
луна над морем расшибает лоб.
И волны утешительные тише.
Но — кувырок, не говорите «гоп!».

И море открывает рот,
как на приеме у зубного.
А нас несет водоворот
подалее от всего земного.
И ходят волны-желваки,
до неба острый подбородок.
И скоро поплывут венки
по морю — для людей и лодок.

Смести все листья, и сжечь все ласты,
и быстро-быстро тонуть в огне.
Как облака, обнажились астры
и светом зимним стоят на дне.

Ложатся пухом, сверкают ворсом,
не понимая закон травы.
Встает земля с обнаженным торсом,
не видно в облаке головы.

Я еду на пошлом лекарстве от гриппа.
Конечно, мне лучше бы стало от граппы.
Не слышал бы сам в себе свиста и скрипа
и температурные выровнял графы.

Не слышал бы свиста, не слышал бы скрипа,
и рвущейся марли, и треска — на закусь.
И тело — вчера еще мрачная крипта —
ушло б из затратной в доходную запись.

Какой же здесь невразумительный вирус.
Зима — не зима, а промозглое царство.
Сначала пытаются нас влажность и сырость,
потом все побочные силы лекарства.

Я еду пока что. Отлично, что еду.
А мог бы лежать пересиленный жаром,
а мог бы рассыпчатым сдать себя бреду,
тогда бы я точно был неподражаем.

ПОДРАЖАНИЕ

Мне скучно, бес, речешь ты слишком длинно,
ведешь меня и говоришь былинно.
Ты полиглот, а я всего билингва,
моя душа — кровавая печать.
Повтором слов натерто всё до блеска.
Мой тренер — Бродский И., нет, Костя Бесков.
Хотя давно соревноваться не с кем
и самое разумное — молчать.

Реальность хороша и не кусает,
хотя и это как-то не спасает.
Кто умер на все сто — не воскресает,
всю меру исчерпал как бы до дна.
Не голова — клубок торчащих ниток.
И крутит всем один небитый нытик,
оправдывая мною много гитик.
И жизнь его прекрасна и трудна.

Умирать — так на одной странице,
не греша, не вовлекая всех
в долгий путь. Хотел остановиться,
но не смог. Хотел поймать бы лица
в этот миг слипающихся вех.

Слишком длинно — лирика, не эпос.
Смерть закономерна, как нелепость,
и она заложена: *тик-так*.
И в ее воронку — все предметы,
все слова и те, что как приметы,
что кончатся всё должно не так.

Выйдешь как на зарядку. Солнечный хулахуп.
Может, сорвешь ромашку с клумбы, а может — с губ.
Время сорвет улыбку или преломит смех.
Вырвет из сердца клятву: «Я не забуду всех!»

Кружит душа над всеми лучше, чем облака.
В яблоках скачут тени, тень моя далека.
Вдруг разбежались тени или в костер легли.
Мы не узнаем, где мы, выйдя из-под земли.

И я уже не проникаю здесь в какие-то миры.
И с параллельных так же в-точь слетают под откос.
С потусторонних берегов поют гудками в нос:
где есть игра, где нет игры и кто здесь вне игры.

А те, кто умерли вчера, не подготовясь лечь.
Кто те — сегодня? Завтра — кто? Которые, смеясь,
о боге, о любви поют и обо всем, что яс-
но им как божий день
и ночь,
как *донь* и *нечь*.

Потусторонние черты я приобрел во сне,
когда я плыл навстречу всем сквозь время не свое.
Сквозь небо вечного огня, сквозь воздуха сырье,
сквозь самого себя — в миры, в которых света нет.

Летний свет меняется на осенний,
падает жизнь под другим углом.
Тени празднуют воскресенье
тусклым углем.

Небеса расписаны на дорожки —
оздоровительный променад
жаждущих. Видишь их ножки да рожки
стайкой монад.

Вниманье: маршруты 1, 2, 4
заканчиваются на кольце,
где сходятся или соседствуют в мире
два мира в конце.

Где тени — не тени, но больше как люди —
реальность их очень проста.
Свет, надвигающийся отовсюду,
ведет своего отца!

Папе

Прости, не удержал тебя в живых!
Устал, проспал, а ты не разбудил.
Ты в облаках уходишь дождевых,
ты в золотой орде и кислый рвешь кизил.

И гасит слез огонь — дождь из последних сил.
Я капли все его, прости, не удержал.
Я дал смешаться им, а после отпустил
искать тебя везде — о, только бы ты ждал!

Два раза мне приснились строки,
горящие в своем огне.
Все изменения жестоки,
боль всё еще приносят мне.

Пустынные отступят воды,
без упоенья круг небес
зажжет во сне все буквы ввода
в забытый инте-интерес.

В небытии гуляют строчки.
Пустыня плещется вокруг.
Волна играет с песочком,
с бегущей тенью на испуг.

Молчат пустыни злые воды,
поют лечебные пески.
Придут на берег скотоводы
для обсуждения тоски.

Огонь подул, и воды разошлись.
И джентльмен, что из фонтана вылез
(куда в отместку брошен), хитрый лис,
но путь его был долог и извилист.
Всё по порядку! Но порядок здесь
нарушен, так — с конца и без порядка.
Тогда слова — разбавленная смесь
горючих вод и полного упадка.

«Сначала мы отдельно напились,
и день стал чуден, и хотелось песен.
И с дерева листок. Сей хитрый лис
шагнул за ним, мир оказался тесен
для встречи, мы попали в эпилог,
едва начав читать его по нотам.
Ладонью на ладонь лист в руку лег,
но был ничей, на пять минут пролетом.

Мой оппонент — как будто жил в кустах
и, видно, заигрался здесь в «а ну-ка...»,
чтоб схлопотать немедленно, за так,
хотя и не издал еще ни звука, —
он тоже потянулся за листком,
узнал слова, что знал не понаслышке,
и музыку, которой был влеком.
Он был как я! Но двое — это слишком!»

Во-первых — сыграно и спето.
Жизнь на исходе — не моя.
В моей не столько было света,
всё больше черные моря.

Приливы смысла и отливы,
над смертью полных два витка.
И голубь с веточкой оливы
летит уже через века.

И если всматриваться в окна,
где город в голубом огне,
то сердце падает, чуть екнув,
но возвращается ко мне.

И видишь будто всё сначала.
И жизнь не в счет с восьмого дня.
И время будто истончало,
где всё б сложилось для меня.

Где всё не сыграно и спето,
где в перистом раю живых
Джо Лимонадный с пистолетом
предоставляет — во-вторых!

Все слова забыть и даже эти.
Не гадать, *кто* мы на этот раз.
Самые печальные на свете,
с золотыми искорками глаз.

Мы из всех подробностей на свете
выбрали какую-то свою —
лето, море на одной монете,
брошенной вернуться: I love you!

Что там нацарапано на гурте
и блестит соленою водой?
Разорвется солнце на фигурки —
это наш внутри огонь с тобой.

Мы прожили запредельно рядом
мелочной разлуке вопреки.
Становились лучше, моя радость.
Всё запишут нам с тобой в грехи.

Мы уйдем под землю и под воду,
где слова — слова любви всегда!
Светятся от выхода до входа
строчки, как цветные провода.

Господи, как мелочно и ложно
представляет время нас подчас!
Где из всех возможностей, возможно,
лишь бессмертье оправдает нас.

ИЗ ПРИСНИВШЕГОСЯ

Он думает клубами дыма,
трехтактно молится всему.
И неба тающая льдина
дождями ластится к нему.

Он выдох в небо облаками,
где розой плавает закат.
Луна уставится белками,
он станет бел и розоват.

Задержка он дыханья в спину.
Отстали горы и моря.
И он облюбовал пустыню,
где жить легко и умирать.

Он — новый вдох, но воздух тонок,
и рвутся ниточки внутри.
Порывисто иль монотонно
его дыханье повтори!

Напой мне траекторию полета
и в тонику меня изобрази.
Я только что из ночи переплета,
не знаю, кто я, и учу азы.

Мозг наполняет музыкою память,
блуждая от яиц до головы.
Я только что оттаял. Лед и пламя
еще не полюса моей любви.

И ледяные плавятся кристаллы,
разбрасывая свет и темноту.
Напой, как я растаял, как расстались,
как жить прекрасно и невмоготу.

И Шарон Ариэль* не хотел умирать,
и ничьей может кома считаться.
Есть во что и в кого мне еще поиграть,
проиграть, отыграть, не сдаваться.

Бог случайные песни выносит на суд
и бросает под них в жар и в холод.
Все не выживут, все никогда не умрут.
Оставайся — судьбой не размолот —

выше времени, выше бездарной ничьей!
Облаков, что надышаны ветром, —
выше! Звезд, что срываются ночью с цепей,
выше! — Неумирающим в смертном.

*Ариэль Шарон (1928-2014) — премьер-министр Израиля.
Последние восемь лет жизни находился в состоянии комы.

Ударяется о бумагу,
спрашивая: не больно, не больно?
Больно я был с тобой мягок —
смерть растягивает удовольствие.

Нет, чтобы наступить мгновенно,
чуждое выбрав мгновение.
Но и она хочет быть верной —
выбранной теме, не разглагольствуя.

Съедая самые смелые глупости,
нарушая обмен смешными словами.
И нет того звука, и нет той гулкости
в воздухе, между нами...

Жизнь — тонкая дудочка — всем играет,
а смерть — черная дырочка — с кем играет...

Закатились глаза за леса и моря,
а душа все восходит на севере.
А на юге жарюю соленой морят
и томят перебором на веере.

Прячут скромно глаза за гармошку страниц,
райских птиц шелковистое пение.
Создают ветерок для восточных границ,
тренируют слова и терпение.

Я здесь ангел, живущий в похожем раю.
На востоке звезда моя видима.
И взамен улететь — говорю и пою,
точно медиум: «Я тебя выдумал!»

ТЕРМЕНВОКС

Дождь размолот в чистейшую пыль,
чутким ворсом ложится на окна.
Утра бог его благословил
и очистил разрядами тока.

Ток выходит еще из меня
на частотах высоких и низких.
Так натянута в сердце струна,
что повсюду разрывы и брызги.

Все ворсинки поют высоко
и пушком светлокожим бормочут.
Сквозь двойное колдует стекло
дождь на каплях-кристалликах мочек.

Надо пыли собраться в слова,
в свет, крутящий пластинкою окна.
До утра напевать, целовать
невидимкой живые волокна —

жизнь, обретшую форму тебя,
исчезающей радостной муки.
Оставляя на пыли дождя
треск, и шорох, и чистые звуки.

Время расстаться пришло, ушло —
мы остаемся вместе.
Мы загадали с тобой число
двух дураков на месте.

Снова мы рядом и поперек,
лесенкой друг у друга.
Не возвратиться, уйти вперед,
выбежать вон из круга.

Будем, обнявшись, лежать в огне,
будто и не вставали.
Время приблизит тебя ко мне
лишь по горизонтали.

Ударяешься в ночь, точно в дно, головой,
становясь безголовым.
Дно звенит, звук идет по прямой и кривой,
по приборам столовым,

по тарелкам с каемкой. Каемка важна,
голубая оправа.
Слева вилка дорог, справа цель для ножа,
кушай слева направо.

Сколько нужных вещей не в моей голове,
как презренная накипь.
И пятном одинаковым тьма или свет,
и расплывчаты знаки.

Чью-то голову с вечной соринкой в глазу
я несу и стесняюсь.
Дно звенит в оцинкованном буйном тазу,
точно колокол, каясь.

Мой редактор — мозг, он строчки правит,
выпрямляет мысли кривизну,
лечит порчу, корчу и лукавит,
подменяя осень и весну;

по ночам кукует в пыльных прериях,
а к утру позиции сдает,
проникает в тонкие материи,
но понять их смысла не дает;

а столкнувшись с парочкой в подъезде —
он не мозг, а черная дыра,
гасит стрелки, трубочки созвездий
наполняет кремом до утра —

тающим кофейным и ванильным,
не нужны ему теперь слова.
Друг мой, враг, редактор ювенильный,
копирайт не твой и все права.

«Кино и немцы», больше немцев.
Что остается для кино —
стальные нервы стильных перцев
и женщин нежное руно.

Себя уже б давно простили,
но не прощаем никого.
Нас помнить время отпустили,
увековечивать его.

Я извиняюсь, я о фрицах,
героях, а не палачах.
Об их фотогеничных лицах
на черных полочках-плечах.

Мы жертвы детства, пропаганды
во-о-от такой величины...
Распухла память, печень, гланды,
и мы не вылечены.

Молочная кожа тумана
сжигается морем дотла.
Луна головой истукана
плывет — ни темна, ни светла.

Летучие прыгают рыбки
до этой больной головы.
Они простодушно негибки
и гибнут — лови, не лови.

Смеется луна, как Виолы
с коробочек финских сыров.
И бризом полны альвеолы,
миллионами пузырьков.

Когда была закрыта дверь,
где этот ветер был?
Молчал, болел, молил: «Поверь,
я дул что было сил...

Я поднимался на этаж,
кидался камнем вниз.
Как будто высший пилотаж
упущенная жизнь.

Потом свернулся калачом,
не открывая дверь.
И притворился кирпичом,
поверь, поверь, поверь...»

Во дворе трава, на траве дрова.
А в мозгу посеревший мох.
Лает солнце, плавится голова.
Кабыжил я и кабысдох.

И мохнатый шмель, и кремнистый путь
догорают в осколках дня.
А трава растет, не дает уснуть,
царство тени, как западня.

Во дворе цветет пустота в ведре,
мятый след, облаков миндаль.
Серый пух по ветру сухих деревьев,
как поток очумевших — вдаль.

Здесь столько ветра дует иногда,
что можно обменять на свет и воду,
на деньги — в них, как водится, нужда,
фюйть — они по воздуховоду —
во все концы, но мы сведем концы
(раз ветра здесь полно, песка в пустыне
и то поменьше) — к одному, и ты не
поверишь — до чего мы молодцы.

На стол небесный, на давящий круг
все возвращает тот же самый ветер.
Не ветер — это машет тыща рук.
Хлопками в воздух, продолжая вестерн.
Но в тот же воздух дважды не войти,
поскольку (не забудь, что мы в пустыне)
по кругу ветер всех всосет, но ты не
здесь уже, а может, и не ты.

Был бой в разгаре, на исходе силы.
Противник был бездушен и жесток.
В классическом он дрался, старом стиле,
где массой давят, силой рук и ног.

И никаких порхающих движений,
а просто уперевшись в пустоту,
без болтовни о пользе поражений,
переходя последнюю черту

без ерзанья, не взвешивая шага,
солидно, как в сумо, в немом кино.
О неразумном пекся бедолага —
как он расскажет: *как и кто кого*.

Белеет парус одинокий,
и ветер мажется тоской.
Как перышко в стране далекой
над перистою пустотой.

А корабли взлетают стаей,
не клянча ветра у небес.
И белый парус не растает,
меня курс, теряя блеск.

РОМАНС

В Бразилии зима, а если лето?!
Не так уж много диких обезьян.
Заката жду. Скользнет душа нелепо,
срываясь в дикий море-окиян.

Я был несчастен, но не безнадёжен
и скатывался медленно с горы
во всю длину непроходящей дрожи
и в ширину озоновой дыры.

Ища слова, чтоб выразить веселье,
ища слова похожие на дождь.
Зачем мне эта зимняя Бразелья,
трех обезьян заманчивая мощь,

все злые вспышки магния и боли,
последнего сознания дежавю?
Вначале смерть, потом на выбор доли.
До следующей я не доживу.

НОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Здесь, где мы ели суши, потом найдут
вилки с ножами, а палочек не отыщут,
шарики риса, будто снежки минут
(счастливы были только одну, как тышу),

небо, разбитое в звездочки, в фейерверк
старым драконом огненным, что у власти.
(Мы ли его убили, поднявшись вверх,
или дракон пожег нас огнем из пасти...)

Мы ли японцы здесь, европейцы здесь,
что над страной таежною и степною
не сохранились. Восстановить как есть,
то есть, как было, то есть меня с тобою,

будет легко, соврав: «Утекло воды
столько, что стали капли ее похожи...»
Тучи растают, и высохнут все пруды.
Дождь рассказал бы, встретясь строкой под кожей.

И быстрый взгляд бросая в зеркало,
увидишь спереди и сзади —
водой дорогу исковеркало
с лицом хорошенькой наяды.

Поет скользящими колесами
машина, пробираясь в поле.
Столбы бетонными колоссами
и глиной вымазанный полдень.

Как будто всё в испуге замерло.
Собачьего не слышно лая:
звук отключен, скатился за море,
но морда дергается злая.

Не взгляд, а кость, бросая в зеркало,
дождь до кости сражался с далью.
И белой тенью сердце съехало,
шершавую горизонталью.

*«Всех расстрелять
именем русского языка и Р. Яacobсона».*

Или свистать всех наверх,
или послать к общей матери.
Всех расстрелять, но не всех.
Ну, рассчитались, аматоры!
Первых — долой с корабля!
Винт не спешит с оборотами.
«Небо» рифмуя с «земля»,
«море» с «гнилыми болотами»
и «пузырями души»,
вижу ли светлые головы?

Вот и вторые ушли
в муть, серебристое олово.
Мы остаемся одни:
я, Яacobсон. Дата, подписи.
Неба чужие огни,
бéрега редкие поросли.
Теплые дни в темноте.
Жизнь то узлами, то *майлами*.
Окна зажгутся: «Ты где?»
Берег в огнях не поймал меня.

Рифмовать в колонке новостей,
письма счастья рассылать народу.
Намешать из разных областей
всё ж теплее, чем про непогоду.

Никому слать письма, милый друг,
по закону Мерфи — прямо богу.
Здесь они, бесовский сделав круг,
пачками замусорят дорогу.

Новостей же, как понятно, нет.
Их творят с дня первого по пятый.
Но опять рифмуя тьму и свет,
что ты хочешь, чтобы стало платой?

Счастье нам, что пишем в никуда,
но доходят письма странным ходом...
Счастье — это просто без стыда
рифмовать кораблик с пароходом.

«Уведи меня в ночь, где течет Енисей...»

О. М.

Кама-родина, брат-Енисей.
Мрачный свод, если звезды не в счет.
Вымыт кальций из слов и костей,
белой скатертью время течет.

И слезами, и водкой течет,
речью связной, бессвязной почти,
безотчетную болью в расчет
светлых дней, ты слова перечти.

Вся в кристаллах небесная грудь.
Жизнь кромсают морозным стеклом.
Чтобы время блестело — протрут.
И в окно постучат костылем.

Исполню, что не говорят,
а шепчут на ухо.
Поют, не спят, а спят — парят
легко, без навыка.

Песок ссыпается с горы,
как мелет мельница.
По детским правилам игры
всё переменится.

Край листьев осень золотит,
миг входит запахом.
Сентябрь чудом залетит
в окошко с запада.

В какое ухо попадет,
в другое вылетит.
Сознание сердцу подпоет
и не помилует.

Пусть отдыхает в теплых снах
душа невзрослая.
Она возносится в лучах
не вверх, а в прошлое.

Там открывается секрет
возврата с музыкой.
Тогда ясней увижу свет,
услышу музыку.

От весны до осени
всё на свете правильно.
Виноваты косвенно,
остаемся праведны.

По земле цветущей
теплым ливнем скачем,
молнией, тучей,
лаем собачьим.

От весны до лета
все пути-дорожки
засыплет ромашкой,
заметет морошкой.

От весны до осени
в обратном порядке —
две зимы несросшиеся
горят и горят и...

Я не сплю, как будто боги вверили
мне огонь, собаку и коня.
Накрутился я на этом вертеле,
надышался дымом без огня.

И горят глаза огнем бессонницы,
различая кружева в песках,
языки огня в созвездье конницы,
вспышки слез на влажных лепестках.

Спит собака, под кровать забилась,
а лошадка бродит без узды.
Я не сплю, душа моя разбилась
на осколки света и воды.

Накрывшись снегом и зимой,
я так хотел бы отдыха
и быть в ладах с чужой землей,
огнем, водой и воздухом.

Лучом помешивая чай,
серебряною ложечкой,
жизнь не внушала мне печаль
печалью в ней заложенной.

Лилась полночи, не спеша,
вся в звездочках и лесенках.
На соты порвана душа
из сотового песенкой.

И золотистый ночи клей,
и с неба — снег, как речь Его:
мети, мети и не жалея
бессмысленного встречного.

Усы приклеив с бородой,
похож ли он на смертного
под теплым снегом, под Тобой —
от снега — безразмерного.

Что взять с зимы, а с осени нельзя?
Восьмеркой — колесо времен и года.
Хотите снега, фруктов, миндаля?
Легко устрою, рядышком скользя.
Ведь это я — не «сила и природа» —
благословляю рощи и поля.

Я всё о темноте внутри меня.
Был огонек, но он пропал бесследно.
Любовь еще бы многое дала.
«Все впереди... — шепчу. — Добавь огня!
Все позади...» — и солнце станет бледным
и горьким снегом, горькой миндаля.

В облаках зима, во облацах —
Новый год по неясному календарю.
Мы пушисто живем, легче всех.
Изумрудный раскалываем орех.
Я осколочки никому не дарю.

В белом коконе утро плывет на юг
за каштановым клином в разбеге аллея.
Ударяя волной, размыкая круг,
осень не остывает — еще теплей,
желтоватей свет и земля тяжелей.

Скоро-скоро припорошит ее снег
и накидкою легкой взовьет в полет.
И посыплется свет из небесных сот —
Новый год, превращая всю воду в лед
в первом круге. Кругами мельчайший свет.

Зима вытекает из нас
остатками жара и злости.
Вмерзаю стрекозкою в наст.
На крылышках — «череп и кости».
Я выжил, так прочь холода!
Да здравствуют нимфа-личинка,
принцесса, горошина льда
на сердце, полнеба пластинка,
и острый зимы холодок,
злословящий сухо и чисто...
И крылышко, и локоток,
и снега искрящие числа.

В яму ночи упали слова,
шепот, шорох и капли сухие —
крошки бывшей воды, что едва
вспоминают, что были стихией.

А без них — всё вокруг пустота,
разъяренная коликой снега.
Все частицы, что ищут места
в оболочке раскольного неба.

И хватаются кто за кого
без любви и надежды на что-то.
Вечный холод, как вечный огонь,
и не вечность — осколки без счета.

Уже и воздуха мне мало.
Стихи — из легких пузыри...
И время будто вполнакала,
не видно в сумерках зари.

Сухим мне достается выдох,
вода в кристаллах — на узор,
и неизученного вида
дыхание наперекор.

Кидаюсь воздуху вдогонку,
за жизнью под откос лечу.
Снег заворачивает в пленку —
и не ды-шу и не хо-чу...

Небо — входом в сумрачную дрему.
До зимы не больше трех шагов
росписью по смятому, сырому...
Мечутся обмылки облаков.

Но махровый воздух, ветра ветошь
сердцевину влажную в кольцо.
Десять тысяч ведер тьмы и света
высушат мне душу и лицо.

Зазимую в зеркале потертом.
Серебристый иней на щеках.
С ледяною бритвой криворото
мне осколки вечности считать.

Зашкаливает столбик ртути,
и слов как бы не слышат уши.
Но в предрассветной серой мути
остывшие толкутся души.

Их греют не слова, а шепот,
движенья легкие навстречу.
Не задыхающийся топот
или осмысленные речи.

Боль называется любовью
и объясняется словами.
А мы летим размытой кровью
и грозowymi головами.

Сижу на берегу, считаю волны.
Пришла зима, и — заморожен счет.
Остывший город мелкий снег сечет.
И стайка птиц с остатков колокольни

просыпалась на землю, взмыла вверх.
Листва в снегу, как битая посуда...
И слезы застывают, и рассудок.
Не разлепить слезой замерзших век.

Всех свернули в папиросу —
поезд в полночи горит.
Злые взрослые без спросу
вышли в тамбур покурить.

Тонкий панцирь дрожью скован,
за окном гремучий тыл.
Спи, товарищ, будь спокоен,
будет полный дыр бул щил.

Машинист в свои бинокли
отшлифует профиль гор,
в бликах небо, глянец блеклый,
шпал и рельсов перебор.

Жизнь летит по скользким жилам
с опозданием в пути.
Ехать скорым пассажирам
не доехать, не сойти.

За лето подзабыт рецепт снежинок,
и валит с неба всяческая муть.
А может, бог устроил поединок
и переезд во тьму кого-нибудь.

И в поединке он не побеждает,
до теплых дней отложен переезд.
И побледневший город убеждает,
что жизнь была уже, но где-то есть.

«Глазами я вижу, а сердцем не вижу...»
А. В.

Боль стирается, слабеет.
Слой за слоем — жизнь скоблит
божью глину, соль плебея,
панцирь рыцарских обид.

Мутный свет рахат-лукума —
сердце — воздуха гибрид.
Я забыл, как надо думать,
как любить и говорить.

Жизнь слабеет — дно, крышка...
Слой, где мýку прекратят.
Сердце бегаёт, как мышка
от утопленных котят.

Утро вольется в стеклянный туман,
в небо — улыбкой блаженной.

Скошенным взглядом по всем сторонам
жизнь подает неразменной
капельку света в плодах и хлебах.

Мелкою дрожью намолот —
дождь разобьется в туман на губах.
Крошкой стеклянною — холод.

Волна набегает, ты — море.
Волною приносит, наверно,
твое ощущение немое
моими словами — не верь, но —
два тела смешались, два моря...
Любовь набегает волною,
кончаясь на миг между нами,
но тут же вернувшись двойною...

Карта звездного неба на левом плече
и придуманной капельки суши,
как прививка — чтоб знали, откуда и чей,
но лететь хоть куда и не слушать.

Только родина в сердце зияет насквозь.
Снег безумствует белой сиренью.
И уже ни о чем я не вспомню без слез.
Боль на донышке слуха и зренья.

Пролетая над чем-то, название есть.
Лень по карте искать, где я точно.
Я давно от всего отказался, а здесь
повседневно светло, еженощно.

После сна ты увидишь горы —
мятые восемь часов подушки.
Стиснул снег на вершинах голых
гладь измученной черепушки.

Столько слов из ночного плена
вывел, будто из тьмы Египта...
Бог рассчитывал на колено,
ну, на два, и огонь пиита.

Сны сойдут, будто схлынут воды,
смыв ненужные все словечки.
Позаботимся об исходе,
снеге, снежненьком человечке.

Мы свинцовую мазь втирали
в небо, в свежую сырость úтра.
Уточняли сто раз детали,
он и взвился снежком, как утка.

Полетел на вершину мигом,
на блестящую шлемом гору.
Пух и перья ложатся снегом
и комком подступают к горлу.

Ты последний пейзаж, и то — он скомкан.
Потом нас не будет, тогда и надо искать.
Лужи затянутся, раны. Прорежутся кромки.
Уставший воздух стучит в висках.
Свет наливается хлорофиллом,
солнце бледнеет, меркнет, уходит вниз.
Становится светопрозрачным илом
небо, и — вязнешь, и сыплется белый рис.
Тогда и надо искать: снег или стружку,
пух или дождь — пристальней надо смотреть
на гóру, на пору, на голых друг дружку,
на жизнь и на смерть.

Оркестр — ортодоксы чистых нот,
но крылышки прозрачные волочит,
сбиваясь с ног,
скрывая звуки в мятых фалдах ночи.

Лишь уши, ушки тут и там:
виолончелей, контрабасов, скрипок.
Что слышно им, что нам.
У них — вступление, у нас — постскриптум.

Скрипит на шестеренках, на смычках...
Весь механизм — один бесстыжий скрежет.
Но крылышки, но взмах —
и бог то милостив донельзя, то рассержен.

Какой-то снег ненастоящий
для хрупких ног и хрупких рук.
В коробке счастлих и несчастных
нас в крошку легкую сотрут.

Нас ждут посылкой с мишурою
в слой апельсинов и пастил.
Под золотистой кокурою
сок электрический остыл.

Рисуя кисточкой по стеклам
мороза ломкие цветы,
снег настоящий будет теплым,
таким, как я, таким, как ты.

У бабочки два лишних грамма,
судьба исчезнуть без следа.
Стряхнуть пыльцу, кардиограмма
полета — просто никуда.

На крыльях влажная прохлада,
в глазах усталости значки.
Остались в коконе халата
сомнений вечных паучки.

И шевелит ноздрями ветер,
и плавает во рту пыльца...
И каждый следующий метр
бездушно тяжелей свинца.

И дождик на оконной раме
плетет прозрачный шелкопряд.
У бабочки два лишних грамма,
на сердце шелковая прядь.

Сочельник выпал в понедельник.
Смерзался пышный снег в комок.
И выжимала ночь-подельник
из лучших — кровь, из лишних — сок.

Сводя весь красный крест небесный
то к группам, то к иной возне.
И до звезды во тьме воскресной —
душа бескровная во сне.

Ей нужен свет, ей нужен голос
среди зимы вокруг и в нас,
и хвоя шелковых иголок,
колышущая белый наст.

СОЧЕЛЬНИК

Мы будем зерна есть и пить
и прорасти в воде.
Смолистой хвоей шевелить
и чувствами владеть.

Нас вяжут уходящий год,
корица или мед.
И высохшей слезы изюм,
и снега полный зум.

Пусть в сахарных костях поет
последняя зима.
Меня голоса на лед,
сугробы — на дома.

Мы будем зерна есть и пить
и прорасти на свет.
Как рыбы, вечной хвоей плыть,
на ниточках висеть.

Колышешь снегом, колыбелишь
и пух, и прах, и свет в ночном.
И белкой время, если веришь
и понимаешь, я о чем.

И так подталкивает ветер,
как будто я могу бежать.
И мысли белкой, если это
ты можешь для меня понять.

Ты за углом в порывах кашля,
удушья белою пылью,
снежинкой кажешься, букашкой
с моим чешуйчатым лицом.

Я догоню, добавлю снега...
Пером гусиным по спине,
холодной струйкою побега
зима спускается по мне.

Колышешь снегом, белкой вьешься,
укатываешь в теплый мех.
И шепчешь: «Плачь, ты не сдаешься,
а снег — простая смена вех».

Язык печали сложен и богат.
Во всем на свете боли чистый атом.
Несчастливы все, никто не виноват.
Я никогда не буду виноватым,
поскольку все по-разному больны
и счастливы, не замечая это...
Вот, падают кораблики с луны,
скользя по пятибальному паркету.

И мы зависим от любви вокруг,
от яркого и сумрачного в туче.
Язык мне покажите, милый друг,
и покрутите у виска покруче.
Я в черном, потому что я один.
В охотничьем костюме вы навстречу..
Не говорите мне «да, господин!»,
а «милый мой» — и обнимите крепче.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЧКА С БОЖЬЕЙ КОРОВКИ

«Пошли мне лимонных долек...»	7
«Ажурное течение темных вод...»	8
«По осколкам света взбираясь вверх...»	9
«Фото двух женщин и двух мужчин...»	10
«Февраль кладут на стол весны...»	11
«Лечит ветер...»	12
«Любя или ругаясь с родиной...»	13

Вариации

«Если жить бесконечно долго, ну очень долго...»	14
«Ветер дует, в моей голове опилки...»	14
«Зима. Пограничник съезжает с холма...»	15
«Если в первой строфе ты без лифчика...»	16
«Доплывем до Тигра и Евфрата...»	17
Yellow Submarine	18
Зима. Двойное стекло	19
«Я псих, но спящий. Не буди меня...»	20

Командир крови

«Кровь не шуми, не приливай к лицу...»	21
«Надо быть бодрым! А если сонным...»	22
«Слышу, как взрываются бомбы в его голове...»	23
«Снаружи идет война, я, конечно, годеи...»	24
«Человек лежит, читает, никому не мешает...»	25
«В голове больше нет ни слов, ни нот...»	26
Exegi monumentum (I)	27
Exegi monumentum (II).....	28
«Вода течет, набирая мужскую силу...»	29
«Мне нравятся разгон и замедление строк...»	30

Глубокий желтый (цикл)

1. «Осень — плацкарта в небесную глушь...»	31
2. «Это запись на ливне, на струях...»	32
3. «Осень — глубокий желтый...»	33
4. «Европа погрязла в дождях и вещах...»	34

5. «Баскетбольно оранжевый прыгает мяч...»	35
6. «Жена шумит, как холодильник...».....	36
7. «И осень начинается, когда...».....	37
8. «Какое-то время я посвятил...»	38

Стихи о любви (семейный альбом)

1. «Ты думаешь, так занимают меня...»	39
2. «Главный герой надоест быстрее...»	40
3. «Пока зима...»	41

«Музу мою не зовут никак...»	42
«Каким я буду через двести грамм?..»	43
«Боль распалась на осколки...»	44
«Вся на дорогах понтах...»	45
«И если б не замолк, то запил...»	46
«Я боюсь: он напишет, что я бы хотел написать...»	47
«Жизнь идет, как пушистый снег...»	48
«Доставай уже свою тетрадь...»	49
Незнайка (стихи из подушки)	50
«На улице порывы ветра...»	51

Поэт-шпион («Язык» языка)

«О, а у вас отличный русский...»	52
«Мы поймали “языка”...»	53

«Облака на автопилоте...»	54
«Мне б затеряться в среднем классе...»	55
«Облакам в области сердца тесно...»	56
«Только неба рваный тюль...»	57
«Идет она: распущенные волосы...»	58
Солнце над тополями	59
«Кто это?..»	60
«Бабочка крылышками...»	61
«Графиня не дала, и граф не в духе...»	62
«Между ног у нее красиво...»	63
«Ловили свет, ловили сон...»	64
«Вода разбавит свет луны...»	65
«Как сверкают крылья на закате...»	66
«Вот и время вернулось Ду Фу и Ли Бо...»	67
«Распускается утро...»	68
«Как будто за окном сидит садовник...»	69

«Эти слезы нарисованы...»	70
«Месяц я бы провел на Капри...»	71
«Жизнь закончится вот-вот...»	72

В МЕДЛЕННОМ-МЕДЛЕННОМ ИСПОЛНЕНИИ

«Я бы погулял еще в пустыне...»	75
«Сердце не откликается, я повторяюсь...»	76
«И, несмотря на дождь, в голове спокойно...»	77
«Внутри меня хорошая погода...»	78

Диптих

«Свет желтый, лунный, иудейский...»	79
«И капли крови смотрят на меня...»	80

«Из носа кровь, как вязкая река...»	81
«Ты была маленькой полной шатенкой...»	82
«Сначала мне придумали тебя...»	83
«А волны бегут, их навстречу из мрака толкает гексаметр...»	84
По мотивам	85
«Имею право быть колючим...»	86
Из журнала	87
Нéстих	88
«Через свитер я чувствую холод...»	89
«Съежилась вода и стала льдом...»	90
«Сердце гонит дождь и облака...»	91
«Мягь память, как глину...»	92
«Ты превращаешься в снег и дождь, о которых писал...»	93
«И из нас вытапливают воду, остаются смех да ерунда...»	94
«Мне камни что-то говорят и ничего — деревья, птицы...»	95
«Приходит ночь, разглаживая море...»	96
«И море открывает рот...»	97
«Смести все листья, и сжечь все ласты...»	98
«Я еду на пошлом лекарстве от гриппа...»	99
Подражание	100
«Умирать — так на одной странице...»	101
«Выйдешь как на зарядку. Солнечный хулахуп...»	102
«И я уже не проникаю здесь в какие-то миры...»	103
«Летний свет меняется на осенний...»	104
«Прости, не удержал тебя в живых!...»	105
«Два раза мне приснились строки...»	106

«Огонь подул, и воды разошлись...»	107
«Во-первых — сыграно и спето...»	108
«Все слова забыть и даже эти...»	109
«Мы из всех подробностей на свете...»	110

ИЗ ПРИСНИВШЕГОСЯ

«Он думает клубами дыма...»	113
«Напой мне траекторию полета...»	114
«И Шарон Ариэль не хотел умирать...»	115
«Ударяется о бумагу...»	116
«Закатились глаза за леса и моря...»	117
Терменвокс	118
«Время расстаться пришло, ушло...»	119
«Ударяешься в ночь, точно в дно, головой...»	120
«Мой редактор — мозг, он строчки правит...»	121
«“Кино и немцы”, больше немцев...»	122
«Молочная кожа тумана...»	123
«Когда была закрыта дверь...»	124
«Во дворе трава, на траве дрова...»	125
«Здесь столько ветра дует иногда...»	126
«Был бой в разгаре, на исходе силы...»	127
«Белеет парус одинокий...»	128
Романс	129
Новая археология	130
«И быстрый взгляд бросая в зеркало...»	131
«Или свистать всех наверх...»	132
«Рифмовать в колонке новостей...»	133
«Кама-родина, брат-Енисей...»	134
«Исполню, что не говорят...»	135
«От весны до осени...»	136
«Я не сплю, как будто боги вверили...»	137
«Накрывшись снегом и зимой...»	138
«Что взять с зимы, а с осени нельзя?...»	139
«В облаках зима, во облацах...»	140
«Зима вытекает из нас...»	141
«В яму ночи упали слова...»	142
«Уже и воздуха мне мало...»	143
«Небо — входом в сумрачную дрему...»	144
«Зашкаливает столбик ртути...»	145
«Сижу на берегу, считаю волны...»	146

«Всех свернули в папиросу...»	147
«За лето подзабыт рецепт снежинок...»	148
«Боль стирается, слабеет...»	149
«Утро вольется в стеклянный туман...»	150
«Волна набегает, ты — море...»	151
«Карта звездного неба на левом плече...»	152
«После сна ты увидишь горы...»	153
«Ты последний пейзаж, и то — он скомкан...»	154
«Оркестр — ортодоксы чистых нот...»	155
«Какой-то снег ненастоящий...»	156
«У бабочки два лишних грамма...»	157
«Сочельник выпал в понедельник...»	158
Сочельник	159
«Колышешь снегом, колыбелишь...»	160
«Язык печали сложен и богат...»	161

Сборники стихотворений автора

- «По дороге со всеми» (1989)
- «Время ожидаемого» (1989)
 - «Отчасти» (1990)
 - «Видения» (1990)
 - «288 искр» (1991)
 - «Приступ ночи» (1996)
- «Южный ветер, белый огонь» (1997)
- «Оптимизм дневного света» (2001)
 - «Игры слез» (2004)
 - «Winter man» (2008)
 - «Блуждающие сны» (2012)

Email: slava.winterman@gmail.com

LJ: <http://winterman.livejournal.com>

FB: <http://www.facebook.com/slava.winterman>

Книги «Русского Гулливера»

Игорь Алексеев «Как умирают слоны»
Олег Асиновский «Плавание»
Георгий Балл «Круги и треугольники»
Анатолий Барзах «Причастие прошедшего зрения»
Александр Верников «Побег воли»
Валерий Вотрин «Жалитвослов»
Игорь Вишневецкий «На запад солнца»
Марианна Гейде «Бальзамины выжидают»
Александр Давыдов «Три шага к себе»
Галина Ермошина «Оклик небывшего времени»
Иван Жданов «Воздух и ветер»
Зиновий Зинник «Письма с третьего берега»
Александр Иличевский «Бутылка Клейна»
Юлия Кокошко «Шествовать. Прихватить рог...»
«Комментарии» № 28 (памяти Алексея Парщикова)
Илья Кутик «Эпос»
Павел Лемберский «Уникальный случай»
Маргарита Меклина «Моя преступная связь с искусством»
Алексей Парщиков «Ангары»
Константин Поповский «Следствие по делу о смерти принца Г.»
Александр Скидан «Расторжение»
Андрей Тавров «Парусник Ахилл»
Александр Уланов «Между мы»
Эдвард Фостер «Кодекс Запада. Битники. Стихотворения»
Борис Херсонский «Вне ограды»
Валерий Шубинский «Золотой век»
Татьяна Щербина «Исповедь шпиона»
Владимир Алейников «Поднимись на крыльцо»
Анна Аркатова «Знаки препинания»
Сухбат Афлатуни «Пейзаж с отрезанным ухом»
Алексей Афонин «Очень страшное кино»
Андрей Бауман «Тысячелетник»
Сергей Бирюков «ПОЭЗИС»
Игорь Богданов «Федоров в кино»
Игорь Булатовский «Стихи на время»
Елизавета Васильева «Настала белая птица»
Игорь Вишневецкий «Первоснежье»
Герман Власов «Музыка по проводам»
Владимир Гандельсман «Ода одуванчику»
Алла Горбунова «Колодезное вино»

Дмитрий Григорьев «Другой фотограф»
Лидия Григорьева «Сновидение в саду»
Андрей Грицман «Голоса ветра»
Владимир Губайловский «Судьба человека»
Дмитрий Драгилёв «Все приметы любви»
Игорь Жуков «Готфрид Бульонский. Книга стихов»
Аркадий Застырец «Онейрокритикон»
Валерий Земских «Кажется не равно»
Валерий Земских «Неразборчиво»
Лина Иванова (Полина Андрукович) «В море одна волна»
Антонина Калинина «Бересклет»
Константин Кравцов «Аварийное освещение»
Сергей Круглов «Народные песни»
Илья Кучеров «Стихотворения»
Елена Лапшина «Всякое дыхание»
Константин Латыфич «Человек в интерьере»
Константин Латыфич «Равноденствие»
Анатолий Ливри «Посмертная публикация»
Ольга Мартынова «О Введенском, о Чвирикe и Чвирке»
Зоя Межирова «Часы Замоскворечья»
Вадим Месяц «Безумный рыбак»
Арсен Мирзаев «Дерево времени»
Надежда Муравьева «Carmenes»
Вадим Муратханов «Ветвящееся лето»
Канат Омар «Каблограмма»
Юрий Орлицкий «Верлибры и иное»
Алексей Остудин «Эффект красных глаз»
Константин Рубахин «Самовывоз»
Ры Никонова «Слушайте ушами»
Александр Самарцев «Части речи»
Екатерина Симонова «Сад со льдом»
Дмитрий Силкан «Всенощные бдения Фауста»
Сергей Соколкин «Я жду вас потом»
Юрий Соловьев «Убежище»
Александр Стесин «Часы приёма»
Дмитрий Строцев «Бутылки света»
Сергей Строкань «Корнями вверх»
Андрей Тавров «Зима Ахашвероша»
Андрей Тавров «Часослов Ахашвероша»
Фотис Тебризи «Черное солнце эросов»

К.С. Фарай «Поющий Минотавр»
Людмила Херсонская «Все свои»
Людмила Ходынская «Маскарад близнецов»
Наталия Черных «Камена»
Наталия Черных «Похвала бессоннице»
Феликс Чечик «Алтын»
Марк Шатуновский «Сверхмотивация»
Алексей Шепелёв «Сахар: сладкое стекло»
Аркадий Штыпель «Вот слова»
Ирина Роднянская «Мысли о поэзии в нулевые годы»
Андрей Тавров «Письма о поэзии»
Вадим Месяц «Поэзия действия»
Зинаида Миркина «Избранные эссе»
Наталья Горбаневская «Прозой о поэзии»
Юрий Казарин «Каменные элегии»
Владимир Беляев «Именуемые стороны»
Александр Зайцев «Тектоника»
Екатерина Перченкова «Сестра Монгольфье»
Анастасия Афанасьева «Полый шар»
Андрей Тавров «Матрос на мачте»
Андрей Тавров «Бестиарий»
Демьян Кудрявцев «Гражданская лирика»
Виктория Андреева «К небу поближе»
Александр Радашкевич «Земные праздники»
Наталья Горбаневская «Города и дороги»
Сергей Сольвьёв «Адамов мост»
Андрей Юрич «Ржа»
Марианна Ионова «Мэрилин»
Егор Мирный «На кострах заросшем Плутоне»
Евгения Изварина «Дом для одной свечи»
Андрей Коровин «Любить дракона»
Мария Ватутина «Цепь событий»
Юрий Казарин «Культура поэзии»
Ниджат Мамедов «Место встречи повсюду»
Хельга Ольшванг «Версии настоящего»
Александр Петров «Пятая сторона света»
Давид Паташинский «Читай меня по губам»
Наталия Черных «Солнечная»
Аня Цветкова «кофе сигареты яблоки любовь»
Максим Калинин «Часовые над Шекспиром»
Юрий Казарин «Глина»

Литературно-художественное издание

Изяслав Винтерман
ТОЧКА С БОЖЬЕЙ КОРОВКИ
Стихотворения

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Оригинал-макет и вёрстка Екатерина Перченкова

Издательство «Русский Гулливер»
Тел. +7 (495) 159-00-59
E-mail: russian_gulliver@mail.ru
<http://www.gulliverus.ru>

Подписано в печать
Формат 145 x 200
Гарнитура Cambria
Тираж 100 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Cherry Pie
112114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12